
А. И. Робакидзе

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ГОРСКОГО ФЕОДАЛИЗМА НА КАВКАЗЕ

Вопрос об особенностях горского феодализма является частью более общей проблемы типологизации социальных структур, которые представлены, по словам К. Маркса, в виде «бесконечных вариаций и градаций» как проявления одного и того же экономического базиса¹.

Естественно, возникает вопрос о причинах, обусловивших специфические черты той или иной модели феодализма, в данном случае кавказского горского.

Исследование экономического быта кавказских горцев позволяет придать более конкретную форму тезису о значении хозяйственного фактора в формировании особенностей горского феодализма. Разумеется, данная модель феодализма в этом случае рассматривается не в хронологическом, а в стадийно-типологическом аспекте, хозяйственный же быт — не столько в соотношении земледелия и скотоводства, сколько в характере их взаимосвязи. Под последним подразумеваются особенности сочетания различных элементов данной структуры (формы хозяйства, собственности на землю, эксплуатации и т. д.) в зависимости от степени развития каждого из них. Это и определяет все остальные стороны хозяйственного быта и связанные с ними явления семейной и общественной жизни (форма семьи и внутрисемейные отношения, характер общности социальных, хозяйственных и прочих интересов в пределах патронимии, обычаи и обряды и т. п.).

Для горных районов Кавказа самой распространенной и типичной формой хозяйства является альпийское скотоводство, которое в наиболее завершенном виде представляет собой органически взаимосвязанный комплекс основной базы — села — и нескольких вспомогательных баз, расположенных по отношению к селу по принципу вертикальной зональности. Примером этому может служить хевсурское село Датвиси, которое располагает зимовником *Сазамтро сабосло* в нескольких километрах ниже села и рядом стоянок выше села, в частности, весенне-осенними и летними *Садзрохе*, *Сахаравне*, *Хорхеби*. Последняя, предназначенная для выпаса овец, расположена в самой верхней зоне летних пастбищ, а две первые, находящиеся в средней зоне, отведены соответственно коровам и быкам². Перемещение скота происходило в пределах территории, принадлежащей одному селу. Расстояние между крайними стоянками составляло около 10 км, но в отдельных случаях доходило до 20—25 км.

Ту же схему расположения вспомогательных скотоводческих баз по отношению к селу повторяет сванский материал. И здесь прослеживается органическая связь села со стоянками: нижними — *лабав с лапури лахв* (пастбища для коров), *лахыр лахв* (пастбища для быков) и самими верхними — *лахв* (летние пастбища для овечьих отар).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

² В. М. Шамиладзе. Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси, 1969, с. 19 сл. (на груз. яз.).

Эта хозяйственно-географическая общность параллельных скотоводческих баз и села при вертикально-зональном перемещении скота с обслуживающими его людьми является важнейшей чертой альпийского скотоводства³.

В структурном отношении с охарактеризованной выше схемой в основном однотипна и аджарская схема расположения весенне-осенних пастбищ *перда* (склоны) и летних *та* (горы)⁴.

Аналогичные формы скотоводства с годовым циклом, построенным на оптимальном сочетании основной базы с вспомогательными, расположенными по принципу вертикальной зональности, были известны в Чечено-Ингушетии⁵ и горной Осетии⁶.

Развитие системы альпийского скотоводства, исторически сложившейся в горных условиях, было строго лимитировано фондом пастбищ и сенокосных лугов. Это обстоятельство привело к иной форме выпаса скота, известной в специальной литературе под названием *Transhumance*. Стада (в первую очередь мелкий рогатый скот) перебазировались на более длительное время и на более значительные расстояния, зачастую далеко за пределы этнической территории. Между летними и зимними пастбищами пролегла многодневная и трудная дорога, становившаяся по мере удаления от дома все более опасной. В условиях сложившихся систем скотоводства уже нельзя было обходиться без лошади, с помощью которой поддерживалась постоянная связь с основной базой — селом, обеспечивались доставка на дом продуктов молочного производства и снабжение пастухов пищей. Специально выведенные лошадь и овчарка местной породы, да хорошее оружие стали необходимыми элементами пастушеского снаряжения, а физическая сила и личная храбрость — неотъемлемыми чертами пастуха.

Степень интенсификации горного скотоводства определялась, с одной стороны, эффективностью способов ухода за сенокосными угодьями (очистка от камней, орошение, террасирование, культивирование кормовых трав и т. п.), с другой — оптимальным использованием пастбищ, главным образом за счет рационального размещения скота в зависимости не только от вертикальных зон, но и солнечно-теневых склонов ущелий с учетом последовательности сезонов созревания трав на протяжении всего годового скотоводческого цикла.

Выдающимся достижением скотоводов горного Кавказа является выведение местных пород скота, в частности кабардинской лошади, хевсурской коровы, балкарского быка, дагестанской овцы и т. п.

Таким образом, если в равнинных районах края преобладало стойловое содержание скота, при котором он практически все время был в селе и при ежедневных выпасах не отходил далеко от села, то в горных районах Кавказа значительную часть года скот вместе с «обслуживающим персоналом», т. е. частью семьи, находился на значительном расстоянии от села. Это внутреннее единство социально-хозяйственного организма — семьи — при территориальном обособлении одной его части и составляло характерную черту альпийского скотоводства. Этой особенностью альпийское скотоводство принципиально отличалось от коче-

³ В. М. Шамиладзе. К вопросу о характере альпийского скотоводства в Грузии.— «Вопросы культуры и быта населения Юго-Западной Грузии», т. I, Тбилиси, 1973, с. 19 и сл.

⁴ Н. Нижарадзе. Альпийское хозяйство Аджарии. Батуми, 1948, с. 53, сл. (на груз. яз.); А. И. Робакидзе. Формы поселения в горной Аджарии.— «Труды Батумского НИИ АН Грузинской ССР», т. I, Батуми, 1960, с. 11, сл. (на груз. яз.).

⁵ В. Гамкрелидзе. Из истории скотоводства в горной Ингушетии.— «Кавказский этнографический сборник» (далее КЭС), т. II («Очерки этнографии горной Ингушетии»), Тбилиси, 1968, с. 237.

⁶ В. Гамкрелидзе. Система скотоводства в горной полосе Северной Осетии.— «Мацне. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства», 1975, № 3, с. 105 (на груз. яз.).

вого скотоводства степей, не так строго регламентированного пастбищами, экстенсивного по уровню развития и лишённого единства основной и вспомогательной баз.

Необходимым компонентом альпийского хозяйства является земледелие, которое в определенной мере не чуждо даже классическим формам кочевого хозяйства⁷.

Земледелие у народов Кавказа при острой нехватке пахотных земель отличается максимально эффективным использованием народных агротехнических знаний. К ним относятся, как отмечают специалисты⁸, веками накапливавшиеся эмпирические знания почвы, применение строго продуманного севооборота, естественных удобрений, орошения, горного пахотного орудия, наиболее отвечающего локальным особенностям рельефа и почв. Следует специально отметить террасирование земельных угодий с помощью сложных деревянных конструкций, получивших наиболее высокое развитие в горной Аджарии, и мощных подпорных стен, воздвигаемых из крупных каменных блоков, широко известных почти во всех районах горного Кавказа, особенно в Чечено-Ингушетии, Осетии и Дагестане.

Создание искусственных пашен говорит о большом значении полеводства в хозяйственном быту горцев Кавказа. Масштабы и характер горного земледелия на Кавказе указывают на то, что оно, всегда сочетаясь со скотоводством, обеспечивающим его естественными удобрениями, в какой-то степени удовлетворяло минимальные потребности в зерне. Не будучи по своему удельному весу ведущей отраслью хозяйства, полеводство горцев Кавказа, традиционное по характеру агротехнических приемов, связанных с ним обрядов, тем не менее по степени использования пахотной земли, сложившихся навыков человеческого труда и эмпирически найденных способов хозяйствования было интенсивным.

Органическое сочетание малого по удельному весу, но необычайно трудоемкого земледелия с альпийским скотоводством, характеризуемым строго регламентированным перемещением скота на значительные расстояния от дома в условиях натурального хозяйства, предполагавшего более или менее широкое развитие домашнего промысла, возможно было лишь при наличии такой формы семьи, которая располагала бы достаточным количеством рабочих рук и внутренней организацией, способной обеспечить распределение функций в этом сложном, по существу многопрофильном, хозяйстве.

Такой могла быть лишь семейная община или ее пережиточная форма — большая семья, которая в процессе развития и сегментации перерастала в патронимию, характеризующуюся чертами общности в хозяйственной, социальной и идеологической жизни⁹.

Большая семья и патронимия были оптимальными формами организации труда в хозяйстве горца, которое отнюдь не отличалось той при-

⁷ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах.— «Основные проблемы генезиса и развития феодализма». М.— Л., 1934, с. 174.

⁸ Г. С. Читая. Пахотные орудия и системы земледелия в Грузии. М., 1960; Г. В. Джалабадзе. Из истории пахотных орудий в Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); Н. А. Брегадзе. Горное земледелие в Западной Грузии. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.); Н. Ш. Чиджавадзе. Из истории земледельческого быта в Аджарии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.); С. Х. Асиатлов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. Махачкала, 1967; С. А. Хасиев. Об основных типах вайнахских пахотных орудий.— «Итоги полевых исследований...», ч. I, М., 1972; Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967; А. Х. Магомедов. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968; М. В. Кантария. Полеводство в Кабарде. Автореферат канд. дис. Тбилиси, 1965; А. Бесленев, И. М. Шаманов. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Черкасск, 1972 и др.

⁹ М. О. Косвен. Большая семья и патронимия. М., 1963; А. И. Робакидзе. Патронимия у народов Кавказа. М., 1973; Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, т. I, II. Тбилиси, 1960, 1961.

митивностью, какую приписывали ему не только путешественники, но и отдельные исследователи дореволюционного периода. Нехватка рабочих рук и инвентаря возмещалась кооперацией труда, совместным использованием инвентаря, совместным выпасом скота и уходом за ним на пастбищах, совместной переработкой молочных продуктов в пределах патронимии. Материальным свидетельством тому является патронимический порядок расположения не только жилых комплексов на селе, но и стоянок на летних и зимних пастбищах.

Таким образом, соотношение удельного веса скотоводства и земледелия, уровень их развития, и в первую очередь формы их сочетания между собой и с различными отраслями домашней «промышленности», а также социально-хозяйственное единство основной и вспомогательных баз в условиях территориального обособления оказались теми хозяйственными факторами, которые обусловили жизнеспособность большесемейной организации с ее имущественно-правовыми нормами, восходящими к семейно-общинным традициям. То же самое можно сказать и о вытекающей отсюда устойчивости патронимической организации, выполнявшей наряду с регулированием вопросов брачных взаимоотношений, кровной мести, имущественно-правовых норм, обороны и т. п. важнейшие хозяйственные функции.

Большая семья и патронимия имелись и в равнинных районах Кавказа, однако здесь их бытование было обусловлено совершенно иными причинами, в первую очередь заинтересованностью самих феодалов в наличии платежеспособных и трудоспособных семей, на которых держалось феодальное хозяйство.

Значению большой семьи и патронимии в общественно-экономической жизни горца способствовала ведущая роль сельской общины в системе местного самоуправления. При этих условиях сила воздействия семьи на деятельность сельской общины полностью зависела от ее численности, почти всегда сочетаемой с экономической состоятельностью и общественным авторитетом. Этому сопутствовало сосуществование устных норм обычного права с письменными адатами, что говорит, с одной стороны, о приспособлении древних обычаев к потребностям развивающегося феодализма, а с другой — об устойчивости древних установлений¹⁰.

Таковы важнейшие особенности хозяйственного быта горцев Кавказа, наложившие свой отпечаток на некоторые стороны социальной структуры (в частности, форму семьи, структуру патронимической организации и функции сельской общины), а в значительной мере и обусловившие их.

Среди факторов, определяющих особенности той или иной социальной структуры, большое значение имеет синтез элементов различных укладов¹¹, характерный для того или иного коллектива в период формирования классовых отношений. Синтез играл важную роль и в формировании различных типов феодализма¹². Имеются в виду и политические, и общественно-экономические, и культурно-исторические контакты с внешним миром, оказывавшие определенное влияние на структуру данного коллектива в целом. Однако важнейшей сферой действия синтеза является складывание форм феодальной собственности на землю.

С постановкой этого вопроса мы входим в круг наиболее сложных и наименее исследованных проблем древнейшей истории народов Кавказа.

¹⁰ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, с. 137 сл.

¹¹ Э. В. Удальцова, К. А. Осипова. Типологические особенности феодализма в Византии. — «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества», I, Л., 1974, с. 12.

¹² Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 14, сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма, М., 1972, с. 7.

Сравнительно хорошо этот вопрос изучен у армян и грузин, имеющих древнейшую письменность. В частности, в равнинной Грузии, по наблюдению С. Н. Джанашиа, в V—VI вв. уже существовало крупное феодальное землевладение на положении *мамули*, т. е. наследственного владения. Н. А. Бердзенишвили выявил наличие в VI—VII вв. пожалованных (*нацкалобев*) и пожертвованных (*шецирули*) земель. В последнее время высказано мнение, что в Грузии (Картли) VI—VII вв. было известно условное временное владение *сакаргави* (бенефиций). Вместе с тем, как правильно отмечено в специальной литературе, «исследователь генезиса феодальных отношений не может, конечно, обойти и горные районы, где феодальные отношения, в силу медленного экономического развития края, прокладывают себе дорогу сравнительно поздно»¹³.

Действительно, в горных районах Кавказа феодальная собственность на землю, феодальные отношения складываются позднее и в специфических условиях. По мнению ряда авторов, зачатки феодальных отношений в Чечено-Ингушетии появились лишь в XVI—XVII вв.¹⁴. С этим положением трудно согласиться, если принять во внимание исследование Е. И. Крупнова. Последний датирует оборонительные сооружения замкового типа XIV в.¹⁵, а такие сооружения могли воздвигать лишь большие и состоятельные коллективы, ставшие на путь феодализации¹⁶. В Осетии зарождение феодальных отношений у алан — предков осетин и образование государственности относят к VIII—XII вв.¹⁷. У адыгских народов, как отмечено в литературе, феодализм в XVIII — первой половине XIX в. находился на ранних стадиях развития¹⁸, а в Дагестане становление феодализма датируют V—X вв.¹⁹, хотя не вызывает сомнения, что «источники XV—XVII вв. рисуют картину незавершившегося еще процесса феодализации»²⁰.

Нам представляется, что, во-первых, большинство названных авторов, как правило, передвигают дату начала этого процесса вглубь. Поэтому справедливо, на наш взгляд, мнение Г. А. Меликишвили, объяснявшего «завышение» уровня социально-экономического развития горцев Северного Кавказа неправильным толкованием некоторыми исследователями понятия «национальный престиж», желанием выявить в своей истории «более развитые модели»²¹. Во вторых, и это самое главное с точки зрения нашей темы, приведенные даты ничего не дают для выяснения стадиальных и типологических особенностей феодального строя у народов горного Кавказа.

Если безоговорочно разделить мнение о том, что феодальные отношения складываются в основном двумя путями — в результате разложения общины и деятельности уже возникшего государства²², надо будет признать, что для народов горного Кавказа характерным был именно первый путь — разложение общины.

При почти полном отсутствии письменных источников о народах горного Кавказа кое-какие сведения можно извлечь из этнографических материалов — они дают возможность несколько конкретизировать указанное выше общее положение. Эти данные говорят о том, что ос-

¹³ А. А. Богверадзе. Проблема генезиса феодализма в Грузии. — «Проблемы генезиса феодализма у народов СССР». М., 1969, с. 200, 204.

¹⁴ Е. Н. Кушева. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. — «Проблемы генезиса феодализма у народов СССР». М., 1969, с. 184.

¹⁵ Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 70.

¹⁶ А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей. — КЭС, т. II, с. 41 сл.

¹⁷ «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, с. 51 сл.

¹⁸ В. К. Гарданов. Указ. раб., с. 137.

¹⁹ «История Дагестана», I. М., с. 139 сл.

²⁰ Е. Н. Кушева. Указ. раб., с. 185.

²¹ Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древнейших классовых обществ Ближнего Востока и Кавказа. — «Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили». Тбилиси, 1976, с. 165.

²² А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. раб., с. 102.

новными материальными ценностями, а следовательно, и источниками имущественного неравенства как важнейшей основы социальной иерархии в классовом обществе, в полном соответствии с особенностями хозяйственной деятельности горцев, являлись скот и пастбища. Что касается кочевого хозяйства, то, по мнению С. П. Толстова, формирование земельной собственности у кочевников начинается с наиболее интенсивной сферы хозяйства — с сопутствующего скотоводству земледелия²³. Однако ввиду того, что, как уже говорилось, скотоводство горцев Кавказа никак нельзя отнести к экстенсивным формам хозяйства, здесь именно скот и пастбища послужили источником образования имущественного неравенства, а затем и социальной дифференциации. Если положение о том, что «экономическая мощь господствующего класса не всегда и не везде базировалась на землевладении»²⁴ предполагает только пахотные земли, то подтверждением ему могут служить соответствующие данные из быта горцев Кавказа. Не случайно устройство заимки под пашню на общинной земле и превращение этой заимки в семейно-общинную собственность не противоречили нормам обычного права, но покушение на общинные пастбища, их захват с целью эксплуатации всегда вызывали резкое сопротивление общинников, нередко доходившее до кровавых столкновений.

Как справедливо отмечено в кавказоведческой литературе, «земли для скотоводов имеют иное значение, чем для земледельцев, осваиваются ими иначе, да и процесс создания земельной собственности в скотоводческих районах, по всей видимости, идет несколько иным путем»²⁵.

В подтверждение сказанному можно сослаться на Ингушетию, где обнаружена оборонительная башня с довольно просторным помещением для скота в нижнем этаже. По преданию, она была построена в целях захвата общинных земель под пастбища и обороны на случай сопротивления со стороны общинников-односельчан, считавших эти земли общесельской собственностью²⁶.

В Балкарии, в с. Нумала, описана внушительных размеров стоянка скота в виде капитального комплекса с башней у входа и помещением для пастухов, построенным с той же целью, что и ингушская башня. Стоянка принадлежала знатной фамилии Балкаруковых²⁷, позднее закрепившей свое господство над пастбищами, но всегда вынужденной охранять их силой оружия. В свое время, очевидно, аналогичное значение имела башня Кануковых в Северной Осетии, у входа в Кубанское ущелье²⁸.

Так постепенно возникали довольно большие земельные владения, сконцентрированные в руках феодализирующейся верхушки, и «сабалашная плата» (подать за пользование пастбищами). Однако из-за отсутствия благоприятных возможностей для производства прибавочного продукта и углубления эксплуатации непосредственных производителей²⁹ крупное землевладение, в настоящем смысле этого слова, даже по масштабам Кавказа не получило развития, а «сабалашная плата» превратилась в «пастбищную ренту», что и признано характерной чертой

²³ С. П. Толстов. Указ. раб., с. 165.

²⁴ Л. И. Лавров. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе.— «Социальная история народов Азии». М., 1975, с. 14.

²⁵ Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. (По некоторым архивным документам).— «Сов. этнография», 1937, № 2—3, с. 50.

²⁶ Б. В. Гамкрелидзе. Из истории скотоводства в горной Ингушетии, рис. 2.

²⁷ А. И. Робакидзе. Формы поселения в Балкарии, 3. Хозяйственные условия поселения.— КЭС, т. I. Тбилиси, 1964, с. 40, 41.

²⁸ С. Ф. Григорович. По горам и равнинам Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960, с. 55.

²⁹ Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских горских классовых обществ.— «История СССР», 1974, № 6, с. 51.

феодализма в Дагестане³⁰. Если говорить о форме собственности, то эта черта присуща не только Дагестану, но и всему горному Кавказу.

Правда, горские феодалы не владели землями и «душами», а в первую очередь осуществляли военные и управленческие функции³¹, однако уход за большими стадами, их охрана и взимание подати за пользование пастбищами требовали людей. По мере роста имущества и его концентрации в руках меньшинства силы семьи и даже патронимии для этого уже были недостаточны. И это было основным фактором, потребовавшим образования зависимого сословия, источником которого стали плененные иноплеменников силами военных дружин и эксплуатация соплеменников путем использования характерных для родо-племенной организации форм взаимопомощи. К последним относится в первую очередь так называемый институт примыкания, который предполагал вхождение маломощной семьи под «покровительство» сильной. Примыкание сопровождалось выполнением определенного обряда (груз. — *харквабит шемокрилоба*, инг. — *истара вошал*) с закалыванием животного и приготовлением пива и завершалось установлением по существу отношений зависимости между покровительствующей и покровительствуемой семьями³². Обе семьи в грузинских письменных источниках именуются *мокидебули*. Н. А. Бердзенишвили справедливо подчеркивает значительную роль этого обычая в развитии феодальных отношений³³.

Военная дружина, прежде занимавшаяся добычей скота и оружия, основной целью набегов сделала приобретение пленников. Набеги временами приобретали огромные масштабы. За часть пленников получали выкуп, часть продавали на сторону, а часть оседала в хозяйствах дружинников в качестве рабочих рук, иногда составляя для всей дружины объект коллективной эксплуатации. Эта последняя категория пленников и являлась одним из основных источников образования зависимого сословия³⁴.

Во всех языках Кавказа терминологически точно разграничены понятия, обозначающие пленника вообще и пленника, оставленного для работы в хозяйстве дружинника. Для обозначения пленника вообще в большинстве языков использован тюркский термин *ясыр*, для пленника же, оставленного для работы в хозяйстве, — термины *унаут* (каб.), *казак* (балк.), *кусаг* (осет.), *лай* (вайнах). Надо отметить, что последний образован от осетинского *лаг* — «человек», что указывает на источники формирования зависимого сословия, в частности в Ингушетии. Лишь в карачаевском языке термином *кчул* обозначается и пленник вообще, и пленник, оставленный для использования в хозяйстве (второй, как правильно отмечается в литературе, назван по имени первого)³⁵.

Все перечисленные термины по-русски переводятся словом *раб*. Однако хотя эта категория людей и именовалась рабами, она по своему общественному положению, особенно по тенденции развития, отличалась от рабов в обычном понимании этого слова. Именно поэтому данное явление получило наименование патриархального рабства. Как известно, эта форма рабства в определенных условиях перерастает в рабовладельческую формацию. На Кавказе же большинство таких «рабов» закреплялось на земле и попадало в зависимое положение по отно-

³⁰ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане.— «Уч. записки Свердловского пед. ин-та», 1. Свердловск, 1938, с. 34.

³¹ Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских горских классовых обществ, с. 51.

³² Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Характер сословных отношений в горной Ингушетии.— КЭС, т. II, с. 158 сл.

³³ Н. А. Бердзенишвили. К термину «мокидебули» («партия»).— «Мимомхилвели», т. I. Тбилиси, 1959, с. 55 (на груз. яз.).

³⁴ А. И. Робакидзе. К вопросу о значении термина «ламтквир» в сванском языке.— «Вопросы истории народов Кавказа». Тбилиси, 1966, с. 55 сл. (на груз. яз.).

³⁵ «Народы Кавказа», т. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1960, с. 259.

шению к владельцу пленника и земли. Эта особенность «рабства» у горцев Кавказа имеет существенное значение, ибо при формационном определении социальной категории необходимо принимать во внимание не только ее настоящее состояние, но и тенденцию развития³⁶, в которой более четко проявляются черты, детерминирующие то или иное явление, до сих пор представленное в зародышевой, неопределенной, зачастую в дуалистической форме.

Следовательно, в этом случае речь идет об обществе, где свободные сосуществуют со специфической категорией зависимых, часть которых составляют пленники, поставленные в положение раба с перспективой их последующего закрепления на земле.

По почти единогласному мнению историков-кавказоведов, унауты, например, в Кабарде представляли собой как будто типичных рабов, т. е. сословие, не имевшее ни своих семей, ни собственных средств производства, но в действительности чем-то отличающееся от класса рабов. Отсюда и формулировка — «патриархальное рабство» в качестве уклада³⁷. Однако из архивных материалов известно, что по крайней мере часть унаутов в определенных условиях получала от владельца право на обзаведение семьей и орудиями труда и прикреплялась к земле, т. е. переходила в разряд крепостных крестьян³⁸. В свете этих данных нам кажется вполне логичным противоречивый на первый взгляд тезис Г. А. Кокиева, согласно которому рабы-унауты у адыгов в конце XVIII в. составляли «основной объект феодалной (разрядка наша.— А. Р.) эксплуатации»³⁹. Аналогичное положение было и в Карачае. Е. Н. Студенецкая на богатом фактическом материале показала, что не только так называемые «законные», «примерные» рабы (*ylgyly qul*), но и рабы рабов (*qulnu qulu*) «впоследствии были превращены их владельцами в крепостных, т. е. наделены землей и скотом»⁴⁰. Аналогичные процессы имели место и у других горцев Кавказа⁴¹. Параллели этому явлению можно обнаружить и в других горных районах мира, например в Хорватии⁴², что говорит о более общем характере этой черты горского феодализма. Именно поэтому данную форму рабства нельзя назвать и укладом, ибо оно не является ни пережитком предшествующей, ни предпосылкой последующей общественно-экономической формации.

Институт пленения, связанный со сложной организацией военных набегов (осет. *балц*; балк. *джыл джуру*; лак. *давлязир*; инг. *глер*; груз. *апарекоба* и т. п.) как один из источников накопления богатства и образования зависимых сословий, естественно, накладывал свой отпечаток на весь образ жизни горца. Начиная от средств воспитания, полностью подчиненных военно-прикладным интересам⁴³, быта (жилой комплекс с явно выраженными оборонительными функциями, одежда, приспособленная к верховой езде, экипировка, в которой важное место занимало оружие, строго разработанный этикет) и кончая оценочными критериями «настоящего мужчины» — груз. *каи кма*; осет. *лæгау лæг*; адыг.

³⁶ С. Л. Утченко, Ю. М. Штаерман. О некоторых вопросах истории рабства.— «Вестник древней истории», 1960, № 4.

³⁷ Т. Х. Кумыков. К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов.— «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969.

³⁸ Т. Дж. Боцвадзе. К вопросу о социальных взаимоотношениях в Кабарде первой половины XIX века.— «Мацне», № 3, Тбилиси, 1961, с. 127 сл. (на груз. яз.); *его же*. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. Тбилиси, 1965, с. 80 сл.

³⁹ Г. А. Кокиев. Краткий исторический очерк Кабарды.— «Кабардинская АССР». М., 1964, с. 44.

⁴⁰ Е. Н. Студенецкая. Указ. раб., с. 55.

⁴¹ Э. В. Анчабадзе, А. Н. Робакидзе. К вопросу о природе кавказского горского феодализма.— «Иберийско-кавказское языкознание», XVIII. Тбилиси, 1973, с. 119 сл.

⁴² Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 332 сл.

⁴³ В. И. Элашвили. Традиция грузинской народной физической культуры и современность. Тбилиси, 1973

Лыхъужь и т. п. — все было проникнуто духом военной демократии, нашедшим свое выражение и в психологии, и в идеологии горца, в которых личная храбрость с культом героя, оружия и коня занимали первостепенное место. Дальнейшее развитие этого комплекса материальных, социальных и психологических черт приводило к его перерастанию в военно-аристократический уклад с более или менее четко выраженными чертами социальной дифференциации⁴⁴.

Использование родовых форм взаимопомощи в целях эксплуатации соплеменников носило завуалированный характер и также придавало специфический оттенок процессу развития социальных противоречий и образования сословий, консервируя их патриархальную форму при совершенно ином содержании.

Но есть еще один путь образования зависимого сословия — это движение так называемых героев из среды свободных общинников. В многочисленных преданиях содержатся данные, согласно которым общинник, в силу своих личных качеств имевший какую-либо заслугу перед общиной, становится примером для подражания, объектом восхваления, а затем и почитания с последующим возведением в ранг героя. В его честь выделяется персональный рог, из которого пьют только за него, и т. д. Складывается комплекс предпочтительности, на основе которого возникает как бы право на личные прерогативы сначала морального, а потом и материального порядка. Особо выдающимся лицам после их смерти ставят поминальные камни, около которых каждый прохожий должен выполнить обряд, выражающий почтение к усопшему. Часть этих «героев» начинает борьбу за превращение личных прерогатив в потомственные, т. е. в социальные прерогативы своей семьи с последующим их переходом к патронимии, а затем и фамилии⁴⁵.

Использование личных прерогатив, которыми коллектив наделяет своего члена за какие-либо заслуги в целях утверждения социального превосходства, также придает своеобразный оттенок отношениям зависимости, складывавшимся подобным образом.

Во всех приведенных вариантах процесс образования зависимых сословий на фоне специфических особенностей хозяйственного быта характеризуется слабым развитием частной собственности, низкой степенью эксплуатации, неустойчивостью форм зависимости или нерасчлененной формой зависимости, отставанием степени эксплуатации от темпов накопления богатства и уровня интенсификации хозяйства. И если действительно степень личной зависимости в пору генезиса классового строя обратно пропорциональна уровню развития производительных сил⁴⁶, надо полагать, что именно это обстоятельство явилось одним из факторов, определивших на ранней стадии процесса классового образования неустойчивость форм личной зависимости у народов горного Кавказа, ибо, как было сказано выше, формирование сословных отношений здесь происходило на базе довольно высокого уровня интенсификации хозяйства.

Таким образом, особенностью хозяйственного быта горцев Кавказа, наложившей отпечаток на характер феодальных отношений у них, является сочетание высокоразвитого альпийского скотоводства с интенсивными формами горного земледелия, обусловившее длительную сохранность большой семьи в качестве пережиточной формы семейной общины с сопутствующей ей патронимией, функционирующей в условиях стойкого бытования традиций сельской общины.

Расширение масштабов отгонно-пастбищного скотоводства нуждалось в освоении больших территорий, выходивших за пределы племен-

⁴⁴ Э. В. Анчабадзе, А. И. Робакидзе. Указ. раб., с. 120.

⁴⁵ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом. Тбилиси, 1964, с. 106 сл. (на груз. яз.).

⁴⁶ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. раб., с. 6.

ной границы, что способствовало развитию военно-демократических институтов, постепенно перераставших в военно-аристократический уклад. В этом процессе немаловажным фактором являлась специфическая форма рабства, служившего интересам развития не рабовладельческого, а феодального общества.

Особое значение имела форма собственности на землю, которая развивалась на базе скотоводства, а не полеводства, что в условиях ведущей роли отгонно-пастбищного хозяйства должно было оказать определенное влияние и на формы социальных взаимоотношений.

Комплекс указанных выше черт (при отсутствии таких институтов, как право первой ночи и функционирования выморочного права в пределах патронимии), составляя одну из особенностей горского феодализма, хорошо укладывается в рамки принятого в советской историографии положения о «неравномерности развития тех или иных явлений, характерных для общественного строя дофеодального периода (а затем и раннефеодального), в одних и тех же странах и областях»⁴⁷.

Вместе с тем особое значение приобретает исходная база возникновения феодальных отношений. У горцев Кавказа они выросли не непосредственно из обломков родового строя, а на базе более высокой ступени общественно-экономического развития, которую обычно считают переходной от первобытнообщинной к классовой. Ее можно было бы назвать «общинной без первобытности»⁴⁸, если бы в этом, для других случаев, очевидно, удачном, выражении, была бы подчеркнута социальная неоднородность подобной общины. Хорошо отражает социальную природу этой ступени общественного развития предложенный Г. А. Меликишвили термин «протофеодализм»⁴⁹.

Учитывая наличие региональных особенностей социальной структуры у одного и того же народа, характерных для горных районов Грузии, а также других горных районов мира, нам кажется, оперирование понятием «горский феодализм» открывает еще один аспект изучения общих закономерностей становления и развития феодализма и тем самым способствует выявлению и разграничению как типологических, так и стадийных особенностей той или иной модели феодализма.

CERTAIN FEATURES OF MOUNTAINEER FEUDALISM IN THE CAUCASUS

The economy of Caucasian mountaineers is based upon highly developed Alpine pastoralism. Under this there arises an integral complex with the village serving as its main base while subsidiary pasturing bases are located above the village according to vertical zonality. Animal husbandry in the Caucasus mountaineer country is combined with agriculture which includes a complex system of irrigation and crop rotation; under subsistence economy this has for a long period of time furthered the preservation of the extended family and the patronymy.

Differentiation by property under this type of economy has led to the emergence of a dependent class; it was formed through the enslavement of aliens and, later, the bondage of their own people (the latter in the guise of tribal mutual aid forms). A stratum of so-called slaves became formed; in certain cases they passed into the category of serfs. This peculiar form of slavery that served the development not of the slaveholding but of the feudal social structure, the absence of large-scale land ownership, of codified norms of feudal dependence, as well as the restriction of escheat to within the patronymy, etc., such were the distinctive features of mountaineer feudalism in the Caucasus.

⁴⁷ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— «Вопросы истории», 1967, № 1, с. 86.

⁴⁸ Там же, с. 75—76.

⁴⁹ Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских классовых обществ, с. 52.